

И.А. Кацапова

**Правовая идея П.И.Новгородцева:
нравственное начало общественной жизни
и его выражение в морали и праве***

Павел Иванович Новгородцев вошел в русскую философию права в середине 90-х годов XIX века как «первый представитель и поборник критического идеализма» (Г.Гурвич), который был им по-особому переработан. Большое значение мыслитель придавал возрождению критически переосмысленного естественного права (или возрожденного естественного права), под которым им понималась нравственная критика позитивного права¹. Идея возрождения естественного права в творчестве П.И.Новгородцева стала центральной. Мыслитель рассматривал ее как методологическую основу изучения права и правосознания во всем многообразии их проявлений в рамках сложной и динамичной общественной жизни людей². Он также считал, что современная философия права должна утверждать *идеальное* значение права и, соответственно, правовая политика должна ориентироваться прежде всего на осознание глубокой, можно сказать исторической, связи права и нравственности.

В истории философии и политико-правовой мысли ценность права всегда отождествлялась с его огромным нравственным значением. Именно нравственные принципы, присущие праву, способствуют его усовершенствованию, приближая его к идеалу. Поэтому,

* Работа осуществлена по теме: «Правовая идея в русской культуре конца XIX – начала XX в.» в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН по направлению «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

по глубокому убеждению Новгородцева, моральная основа права и анализ правовой реальности с моральной точки зрения, заключающийся в *этическом критицизме*³, позволяет не только раскрыть специфику права, каким оно является, но также помогает рассмотреть право с позиций, каким оно «должно быть». В своих рассуждениях о естественно-правовой идее он, в частности, выделяет два существенных момента: потребность в нравственной оценке деятельности юридических институтов (положительных учреждений) и стремление к философскому исследованию основ права.

На формирование теоретических основ естественно-правовой концепции в творчестве Новгородцева существенное влияние оказала философская полемика, состоявшаяся между философом и публицистом В.С.Соловьевым и правоведом Б.Н.Чичериным. Дискуссия, развернувшаяся на страницах журнала «Вопросы философии и психологии»⁴, была встроена в контекст проблематики русской философии права конца XIX – начала XX вв., в частности, исследования проблем соотношения права и нравственности. Общая позиция участников дискуссии сводилась к утверждению, что право и нравственность порождают разнородные обязанности: нравственность устанавливает обязанности положительного характера, а право – отрицательные обязанности внешнего характера. Нормы права, или предписания воздержания от действий, наносящих вред другим людям, осуществляются принудительно, а потому право и нравственность относятся к разным областям деятельности.

Дискуссия началась после выхода «Критики отвлеченных начал»⁵ (1880) В.Соловьева. В частности, глубокий и содержательный анализ основных положений диссертации В.Соловьева был предпринят Б.Чичериным в работе «Мистицизм в науке» (1880). Надо отметить, что Чичерин не остался безучастным ни к одной из философско-правовых версий, предложенных В.Соловьевым. Дискуссия стала особенно интенсивной после выхода фундаментального труда В.Соловьева «Оправдание добра. Нравственная философия» (1894–1895, отдельное издание 1897), на который Б.Чичерин откликнулся статьей-рецензией «О началах этики»⁶, а также работы «Право и нравственность (Очерки из прикладной этики)» (1897). Эти сочинения практически полностью раскрывают содержание философско-правовой концепции Соловьева. Между тем, творчеству В.Соловьева присуща очень важная осо-

бенность: его философская система «представляется настолько синтетически слитной, что учение о праве не может быть выделено и вполне понято вне связи с его общими этическими взглядами»⁷. Сам мыслитель считал философию права одной из «философских дисциплин, примыкающих к этике или нравственной философии (в прикладной ее части)»⁸.

В истории теоретической мысли именно концепция В.С.Соловьева стала *основанием* активной полемики вокруг философско-правовых проблем, в которой также принимали активное участие сторонники т. н. «позитивистского» направления в юридической науке, в частности Г.Ф.Шершеневич, Н.М.Коркунов, С.А.Муромцев, М.М.Ковалевский. К тому же, влияние идей В.Соловьева обусловило эволюцию философско-правовых взглядов теоретиков права в направлении истолкования естественно-правовой идеи в духе традиционных христианских ценностей. Такова, например, теория возрожденного естественного права, которая плодотворно развивалась в работах теоретиков т. н. «московской школы естественного права» – П.И.Новгородцева, Е.Н.Трубецкого, И.А.Ильина, Б.П.Вышеславцева, А.С.Яценко, Н.Н.Алексеева⁹.

В.Соловьев считал, что право всегда должно соответствовать нравственному идеалу. В его теории «этического минимализма» *право* выступает *синтезом общественных и частных интересов, объективно охраняя ценности (нравственные) индивидуальной свободы и общественного блага*. При этом, если индивидуальная свобода формально нормирована законом, то и права личности официально выражают формально признанную свободу. Отсюда, право, по В.Соловьеву, есть формальная свобода, обусловленная равенством и стремящаяся к воплощению в общественной жизни *нравственной идеи*, которая определяется *абсолютностью добра*. В социальной сфере, подчеркивал В.Соловьев, устанавливаемая правом равная для всех мера свободы оказывается не безразличной и к способам проявления этой свободы – в том смысле, что формально нормированная законом свобода действий, предоставляемая человеку в правовом равенстве, не может означать равного права для всех на свободное проявление своей воли. Нравственное проявление воли не вторгается в область права, так же как и право не вторгается в сферу личной жизни и никак не ограничивает здесь поведение человека даже в том случае, когда это поведение носит

очевидно безнравственный характер: взять, к примеру, убийство или иное антиобщественное действие. Согласно В.Соловьеву, реализуемая и охраняемая правом «свобода посредством равенства» получает нравственную санкцию для примирения с совестью.

В свою очередь, Б.Чичерин упрекал В.Соловьева в утопичности и мистицизме его позиции. По существу, он указывал на недопустимость смешения права и нравственности, твердо придерживаясь точки зрения, что кроме нравственного закона существуют другие законы и нравственность должна с ними соотнобразовываться. В концепции Б.Чичерина нравственность и право относятся к двум разным сферам свободы: первая – к внутренним побуждениям человека, определяемым совестью, а второе – к внешним отношениям свободы одного лица к свободе других. По Чичерину, «право может быть определено как свобода, определенная законом»¹⁰, а потому юридическая свобода, которой «в пределах закона пользуется человек, есть право в субъективном смысле; закон, определяющий эту свободу, есть право в объективном смысле»¹¹. К примеру, Чичерин утверждал, что право реализуется в области внешней свободы лица по отношению к другим, в то время как нравственность является внутренней стороной индивидуальной человеческой жизни, а следовательно, управляет сферой внутренних побуждений личности в соответствии с велениями совести. Однако для определения диалектической связи права и нравственности, по мнению Б.Чичерина, необходимо возвыситься до понятия свободы: показать ее источник, исследовать различные области ее приложения.

Существенным моментом для Чичерина является то, что право как социальная норма никоим образом не способствует формированию нравственного чувства: «...человек может пользоваться своим правом, как ему угодно, нравственно или безнравственно»¹², юридического закона это не касается. Последний, напротив, сам дозволяет «совершать безнравственные действия»¹³. Чичерин вообще считал, что принудительное осуществление минимального добра противоречит самой природе нравственности, которая опирается *исключительно* на акт доброй воли и, соответственно, осуществляется *по внутреннему* убеждению. По его словам, из понимания того, что «нравственный закон для своего осуществления в

мире нуждается в общественной среде, вовсе не следует, что то, что нужно для поддержания этой среды, составляет требование нравственного закона»¹⁴.

Философская дискуссия между В.Соловьевым и Б.Чичериным представляет собой важный исторический феномен. Каждый из оппонентов придерживался своей особой позиции и предлагал *свое* понимание проблемы взаимообуславливающего влияния права и нравственности в общественных отношениях: В.Соловьев пытался найти то общее, что связывает между собой право и нравственность, в то время как Б.Чичерин принципиально доказывал разнонаправленность этих понятий. Тем не менее, в общем плане они раскрыли важность проблем, поставленных именно философией права: понимание свободы, соотношение права и нравственности. В чем же в таком случае состоит концептуальное различие взглядов В.Соловьева и Б.Чичерина? Ведь оба они считали, что действие права распространяется только на те проявления *злой* воли, которые вступают в противоречие с интересами всего общества, а следовательно, грозят общественной безопасности. Собственно, в этом и заключается общественная польза права, представляющая собой *определенную форму добра*, которая по существу является *объективной*. Вполне объективно и то, что свобода человека зависит от соблюдения способов защиты и гарантий его прав. В таком случае, основным предметом полемики двух мыслителей по вопросу о соотношении права и морали в социальной сфере деятельности становится проблема *субъективного* или *объективного* значения нравственности: является ли нравственность чисто субъективной, как полагал Б.Чичерин, или «социально организованной», как доказывал В.Соловьев. Собственно, мировоззренческие расхождения двух мыслителей по данной проблеме сводились лишь к *содержательному* аспекту самого соотношения дефиниций «права» и «нравственности» в социальной деятельности индивида.

Следует подчеркнуть, что В.Соловьев основной вопрос философии права сводит к *нравственному* оправданию права и государства как форм созидания человеческой общности, построенной на христианских ценностях (царства Божия и Богочеловечества). Он также считал соотношение нравственной области и правовой реальности одним из коренных вопросов практической философии, интерпретируя это отношение как связь «между идеальным

нравственным сознанием и действительною жизнью»¹⁵. Философ принципиально не смешивал юридические и этические понятия и не настаивал на совпадении сфер права и нравственности. Он лишь подчеркивал, что между этими двумя *социальными сферами* существует *тесное внутреннее* отношение. Важно также отметить, что невозможность мыслить *идею* права *вне* ее *нравственного смысла* не была для Соловьева требованием морализирующего философствования, в чем его упрекали оппоненты, а непосредственно вытекало из понимания им самой сущности права.

В определении права В.Соловьев выделяет три основные черты. Первая заключается в том, что право представляет собой «низший предел или определенный минимум нравственности». Вторая черта соответствует требованию реализации этого минимума, или, другими словами, «осуществлению определенного минимума добра». Третья черта права – это формальное (или внешнее) осуществление определенного закономерного порядка, допускающее и даже предполагающее прямое или косвенное принуждение. Общая дефиниция права выглядит так: «...право есть принудительное требование реализации определенного минимального добра, или такого порядка, который не допускает известных крайних проявлений зла»¹⁶. В окончательном виде понятие права оформляется Соловьевым в столь характерную для него *идею равновесия* между *частным интересом*, или *индивидуальной свободой*, и *общественным интересом*, или *благом*. В рамках индивидуальной свободы, формально предоставляемой обществом человеку, реализуется и его идея самоопределения. В общем плане право, по В.Соловьеву, «есть исторически подвижное определение принудительного равновесия между двумя нравственными интересами: формально нравственным интересом личной свободы и материально нравственным интересом общего блага»¹⁷.

Б.Чичерин же в своей философско-правовой концепции выступает защитником индивидуализма. Он считает, что область права действительно наиболее близка к нравственности, поскольку оба эти начала – право и нравственность – происходят из одного источника, а именно из «природы человека как разумного существа». *В этой связи* Чичерин отвергает теорию о преобладании общего над личным; к тому же его либеральное мировоззрение сориентировано на принцип признания свободы

лица (субъекта) как основания «всякого истинно человеческого знания». Соответственно, именно в этой связи Б.Чичерин критикует определение свободы, сформулированное В.Соловьевым в работе «Право и нравственность». Пытаясь связать индивидуалистическое начало свободы с общественным началом равенства (а право он считал их синтезом), Соловьев определял право как «свободу, обусловленную равенством»¹⁸.

Главной концептуальной идеей философско-правовой теории В.Соловьева является понимание того, что два интереса – индивидуальной свободы и общественного благосостояния – могут быть представлены противоположными только умозрительно, в действительности они взаимосоотносимы, и право есть то общее, что их объединяет. В принципе, В.Соловьев понимал право в субъективном смысле: обязательно как *чье-нибудь* право. Поэтому Чичерин и писал о В.Соловьеве, что он даже «в законе ищет субъекта права»¹⁹. Впрочем, здесь «ирония» Чичерина не вполне уместна, ведь закон как раз и ориентируется на субъективные права, из чего вытекает именно *правомерность* позиции Соловьева.

Итак, философско-правовая полемика между В.Соловьевым и Б.Чичериным стала важным теоретическим источником в развитии философско-правовой проблематики. Несмотря на противоречия между Соловьевым и Чичериным в вопросах определения природы права, отношения права и нравственности, интеллектуальное воздействие этих двух мыслителей оказалось соединенным в философии права их преемников, что привело к определенному синтезу обоих учений. Наиболее показательное и аргументированное отношение к самой дискуссии, а также и к философии права Вл.Соловьева и Б.Чичерина, выразилось в позиции П.И.Новгородцева, представленной в его творчестве. В частности, в его работах по философии права раскрыта *динамика* его отношения к философии права В.Соловьева. Общие представления П.Новгородцева по проблеме соотношения права и нравственности в общественной жизни существенно отличаются от взглядов В.Соловьева на эту проблему. Поэтому соответствующую концепцию Новгородцева следует рассматривать с учетом ее эволюции²⁰. Поначалу, разграничивая в своей ранней статье «Право и нравственность»²¹ две эти категории, Новгородцев раскрывает основания и принципы, по которым они соотносятся²². Впоследствии

же, опираясь на кантовскую идею противоположения должного и сущего, он установит связь права и нравственности на базе естественно-правовой идеи.

В то время, когда Новгородцев находился «под большим влиянием либеральной доктрины Чичерина», он склонялся «к признанию строгого дуализма морального закона и социальной реальности»²³. Позже, в докторской диссертации «Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве», он сформулирует, уже под влиянием идей В.Соловьева, основное направление своего творчества: определение *синтеза «начал объективной этики общества и субъективной этики личности»*. Такое самоопределение стало одним из важнейших *итогов* философской дискуссии Чичерина и Соловьева, которая, по сути, явилась идейным импульсом обращения Новгородцева к этической теории Канта и философии права Гегеля.

Позитивно оценивая философию права В.Соловьева, Новгородцев особо выделил в ней области *объективной* и *субъективной* этики. В целом, подчеркивал Новгородцев, несмотря на патриархальность общественно-политического идеализма В.Соловьева, а также на его «юридические неточности», основная идея его нравственной философии – «отстоять идеальную сущность права» – была сориентирована на общественный прогресс и на развитие правовых учреждений. Новгородцев считал Соловьева «блестящим и выдающимся представителем философии права»²⁴, одновременно подчеркивая, что именно В.Соловьев стал «наиболее видным защитником правовой идеи среди философов истекшего века»²⁵. Тезис, сформулированный Новгородцевым, можно считать основополагающим для всей теоретической деятельности Соловьева: «обнаружить силу права против права силы»²⁶.

Между тем Новгородцев, как и Чичерин, *категорически* возражал против соловьевского определения теории права как «*этического минимума*» и не допускал отождествления права и нравственности, разделяя позицию Чичерина о «несводимости» двух этих понятий друг к другу. Новгородцев, также следуя Чичерину, считал, что Соловьев признавал лишь *количественную*, а не *качественную* разницу между правом и нравственностью и отстаивал идею подчиненности права нравственности. В принципе, сущность соловьевской концепции сводится как раз к определению *не количественной, а качественной (моральной) пользы права*, осу-

ществляемой им в общественном пространстве. *Минимум* нравственности, на котором акцентировал внимание Соловьев, – это прежде всего та моральная польза, которую осуществляет право, защищая индивидуальные интересы личности от антиобщественных посягательств на ее права.

Новгородцев же, пытаясь определить *качественную* сущность права, подчеркивал, что нормативное содержание права не имеет постоянной величины и, соответственно, может меняться, а значит и по-разному оцениваться. Он рассмотрел и подверг критическому исследованию практически все современные ему господствующие правовые теории о природе права. В итоге, Новгородцев предложил свое определение права, согласно которому *право – это результат сложного процесса борьбы и взаимодействия различных общественных сил*. По существу, являясь отражением этого процесса, право стремится к примирению противоречий. По определению Новгородцева, социальная сущность права заключается в том, что оно никогда не может стать вполне совершенным и до конца справедливым, не может быть полностью отождествлено с понятиями «справедливость», «свобода», «добро». Право пребывает в постоянном поиске новой правды и справедливости. Поэтому трактовка права как воплощенной справедливости ведет к тому, что оно утрачивает свое истинное назначение (становится воплощением чистой идеи правды)²⁷. Как не может право стать чистым выражением справедливости, так и не может обойтись без справедливости вообще, без осуществления нравственных начал, составляющих его существенные принципы. Этими нравственными принципами, по мнению Новгородцева, являются понятия *взаимоограничения* и *обязанности*, без которых право не есть право, а представляет собой лишь произвол (стихийную и произвольную силу). Реализация принципа, ограничивающего правовой произвол, происходит путем установления определенных, единых для всех, общественных норм, из чего непосредственно следует установка на обязанность им подчиняться.

Основной принцип права, *справедливость*, объясняет связь права с нравственностью и позволяет утверждать, что право реализуется не только через внешние отношения, но и пользуется «внутренним авторитетом как явление сопричастное нравственному миру»²⁸. Здесь Новгородцев хочет подчеркнуть, что на самом

деле правовые смыслы обладают двойственной природой – они одновременно являются и установками нравственного сознания. Предпосылкой любого правового воспитания является воспитание нравственное, которое в принципе задает условие усвоения правовых установок и смыслов. Позже философ и правовед И.А.Ильин, развивая эту тему в своем творчестве, назвал такие устойчивые, повторяющиеся, необходимые отношения между правовыми смыслами аксиомами правосознания²⁹. В таком случае право не является абстрактной категорией, а представляет собой конкретное предписание (или норму), соответствующее социальной форме общежития.

В концепции Новгородцева право предстает как некая объективная социальная реальность, потому что оно включено в систему социальных отношений между людьми. Говорить о праве можно лишь тогда, когда кто-то нарушает чьи-то права или вторгается в чье-то «одинокчество». Соответственно право, как сложное социальное явление, представляет собой результат борьбы и взаимодействия различных общественных сил, вследствие чего оно никогда не может быть ни строго логическим, ни вполне совершенным. Мыслитель вообще утверждал *невозможность априорно установить справедливое содержание юридической нормы*. Поэтому в своем творчестве он пытается объяснить и доказать идею о том, что этическая критика положительного права с позиций будущего, идеального права не только возможна, *но и необходима*.

Формальное определение права еще не касается его сущности, а лишь заключается в том, что оно есть «порядок», регулирующий правоотношения отдельных лиц в обществе. Другое дело, когда мы обращаемся с требованием к ближнему: на этом уровне уже возникает иная система отношений между требованием и обязанностью. В данном случае мы апеллируем к нравственным принципам и, соответственно, право соотносится уже с требованиями нравственного закона (исходя из кантовского представления об определяющей значимости нравственных принципов для человека). Здесь необходимо учитывать то, что на этом уровне важным моментом является *обязанность*, которая может быть предписана *только тому, кто способен выбирать между должным и не должным*: право здесь выступает как требование, обращенное к нашей воле, свободной воле, способной выбирать. Важно также и

то, что Новгородцев, как и В.Соловьев, понимает право как выражение индивидуального: автономии личности, личного интереса (принципа), «обеспечивающего только каждому свое», в то время как нравственность является выражением общего и сверхиндивидуального³⁰. В таком случае право регулирует правоотношения отдельных лиц в обществе и защищает интересы личности от всякого рода антиправовых и антиобщественных действий, тогда как мораль (нравственность) представляет собой норму всеобщего долженствования, при котором определяются лишь общие цели и основные принципы поведения. Нравственной воле при этом указывается лишь общее направление действий, за субъектом остается право на свободу выбора как цели, так и средств.

Итак, если принять узкую трактовку термина «философия права» в концепции Новгородцева, то содержание его *условно* можно переформулировать как *содержание естественно-правовой идеи*. Прежде всего, здесь предполагается, что под содержанием следует понимать *предварительное* формально-структурное соотношение положительного и естественного права, а в рамках естественного права – соотношение права и нравственности. Об этом Новгородцев пишет в книге «Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. Два типических построения в области философии права», отмечая, что проблематика философии права включает в себя рассмотрение структурного соотношения этих категорий. Важно отметить и то, что Новгородцев *не стремился развивать собственную* концепцию естественного права. Он нигде не упоминает об этом в своих работах³¹. Мыслитель лишь ограничился заявлением о необходимости *возрождения* естественного права «сменяющимся содержанием», подчеркивая при этом положение о *неизменном идеале*, или принципе права, который *всегда указывает путь* и «продолжает направлять развитие позитивного права»³².

В принципе, Новгородцев считал, что у права и морали по сути единая задача, состоящая в осуществлении правового, а значит и социального благополучия в обществе (равновесия интересов). Поэтому он соотносит категории «право» и «нравственность» с диалектическим принципом взаимодействия, представляющим собой принцип соотношения сущего и должного (*есть и должно быть*). При этом он подчеркивает, что в системе правоотношений нравственный закон может быть осуществлен только через диа-

лектический синтез права и нравственности. В таком случае, постепенное обособление юридической и моральной областей общественного бытия не должно вести к их разграничению. В социально развитой общественной культуре необходимость вычленения и конкретизации двух областей нарастает прямо пропорционально. Между тем, это не является поводом для утверждения о том, что они должны быть *полностью* обособлены. Кстати, Новгородцев настаивает именно на понятии «обособление», а не «несводимость» или «разграничение», что является важным положением, объясняющим приоритеты в его естественно-правовой концепции.

По Новгородцеву, главным мотивом обоснования права и нравственности как обособленных форм общественной жизни является содержащийся в самих нормативных требованиях двойственный характер исполнения их предписаний. С одной стороны, общество должно требовать одинаково от каждого, независимо от его воззрений, обязательного исполнения норм права. С другой стороны, это может не соответствовать убеждениям личности, ее развитому нравственному сознанию, признающему истинную цену лишь за таким исполнением моральных требований, которое соответствует его внутреннему убеждению. Обособление нравственности от права обусловливается индивидуальным осознанием того, что человек не может *формально* принять все требования, которые существуют в общественном нормоустановлении, в том смысле, что индивид отказывается *принудительно* во всем следовать общественным нормам, а требует как «для своей духовной жизни», так и для своих «убеждений и действий»³³ свободы выбора. Размежевание между правом и нравственностью происходит на основании того, что право с необходимостью рано или поздно вырабатывает для себя такие правила и законы, которые вступают в противоречие с основным нравственным принципом – принципом свободы. В свою очередь, нравственные нормы, представляя собой лишь общее направление человеческой воли, предоставляют каждому свободу выбора исполнения нравственных требований. Отсюда следуют вполне допустимые «колебания в исполнении нравственного закона»³⁴, основанные на свободе выбора как предписаний, так и следования им. Соответственно, для общественной гармонии и благополучия важно снять остроту противоречий, возникающих между правом и моралью, как противоречий между общественными и личными интересами.

Таким синтезирующим свойством Новгородцев наделяет естественное право, которое рассматривается им как синтез права и нравственности, когда индивид, его нравственное сознание, может выступать «против положительных установлений»³⁵. По существу, основополагающий принцип естественного права соответствует нравственному требованию по отношению к действующим законам и установлениям. В концепции Новгородцева естественное право представляет собой не право в собственном смысле, а проекцию права, представления о том, каким должно быть существующее (положительное) право. Собственно, здесь речь идет об *идеальной сущности* права. Между тем, в теоретическом плане выражения «представление о том, каким должно быть право» и «нравственная оценка права» *не тождественны*, на это неоднократно указывал Новгородцев. Фактически право может быть оценено с разных точек зрения: если мы говорим о том, каким оно должно быть, то затрагиваем область теоретического исследования проблемы возможного права, а если мы апеллируем к нравственной оценке правовых норм и действий, то уже затрагиваем практическую область соответствия или несоответствия данной правовой формы. Новгородцев рассматривает диалектику взаимодействия права и нравственности в общественном пространстве и подчеркивает важность их взаимообуславливающей связи, которая способствует усовершенствованию права, приближая его к идеалу. В таком случае вполне объяснимо его стремление выйти в моральной философии за рамки кантовской целенаправленности, тем более что этот переход весьма важен для естественно-правовой концепции. Именно в этой связи Новгородцев уделил особое внимание объективной этике В.Соловьева и его критике кантовского этического субъективизма³⁶, хотя и считал линию этического объективизма, проведенную Соловьевым, своеобразным «объективистским преувеличением»³⁷.

Интерес Новгородцева к кантовскому категорическому императиву определяется поиском ответа на вопрос о том, как возможен синтез индивидуального и общественного в рамках и на основе нравственного закона. Проблема соотношения личности и общества в рамках субъективной этики не может быть решена в силу того, что нравственный закон замыкается на индивидуальную мораль. Новгородцев же пытается выяснить *объективное, общественное значение нравственности*³⁸, и, соответственно,

его интересует, как категорический императив Канта соотносится с требованиями общежития, может ли нравственный закон стать всеобщим и единственным элементом, объединяющим индивидуальные интересы во имя общего высшего интереса. Для него важно было найти *основу* для общественной жизни, которая связывала бы «всех воедино некоторой общей целью»³⁹, когда закон автономной воли «сам собою» переходил бы в нравственную, но *общественную* форму⁴⁰.

С точки зрения Новгородцева, Кант «на основании чистых законов разума» стремился в своем учении «определить право и государство в их моральной основе, как они должны быть»⁴¹. Поэтому его категорический императив односторонне и, соответственно, неполно отражает моральную обоснованность права. Категорический императив как норма всеобщего долженствования представляет собой формулу, к которой может быть сведен любой нравственный закон. Принимая в принципе такое положение, Новгородцев в то же время оспаривает правомерность дальнейшего перехода этой логической формулы в *единственно возможный мотив* для нравственного деяния. На том основании, что этические нормы существуют сами по себе, «априори», исключительно в понятиях чистого разума, Кант⁴² отвергает связь нравственных принципов с человеческой природой, усматривая всю моральность поступков в их необходимости, чувстве долга и преданности закону. Психологическая сторона мотивов и побуждений не имеет для Канта существенного значения, так как только уважение к этому абстрактному закону должно быть признано для субъекта *единственным нравственным побуждением*. Новгородцева, напротив, интересует, каким образом вообще можно согласовать принцип морального закона с естественными побуждениями? Как найти ту санкцию, которая поощрила бы добрые чувства и устремления?

Категорический императив предполагает обращенность сознания человека на внутреннее – познание самого себя, в частности, на внутреннее самоудовлетворение «безусловно чистой воли, которая отрезана от внешнего мира и даже от естественных побуждений самого человека»⁴³. И если продолжать эту логику, то очевидно, что для внутреннего самоудовлетворения воли не требуется нравственного удовлетворения в отношениях с другими. Она автономна. Абсолютизм нравственного императива предполагает

полную изоляцию от естественных побуждений (стремлений). В этой связи формализм нравственного закона Новгородцев отождествляет с индивидуализмом, при котором индивидуальное самоопределение человека спроецировано лишь на систему ценностей и норм морали для него самого, и здесь выход в объективную этику практически невозможен, он сопряжен с непреодолимыми трудностями. Категорический императив «требуется этого выхода и не может совершить его»⁴⁴. Получается, что категорический императив замкнут на самом себе. Моральная философия, определяющая только общие цели и основные принципы, указывает нравственной воле лишь общее направление, оставляя за субъектом право на свободу выбора как цели, так и средств. Поэтому в пределах моральной философии нравственный закон, категорический императив, будучи формальным, является лишь абстрактной нормой, к которой следует стремиться. Но и эта абстрактная норма в свою очередь также *должна быть еще и задана*.

Однако для Новгородцева, на чем он и настаивает, сущность нравственной воли проявляется не только в ее возвышенных идеалах, но также и в потребности их реализации. В этом смысле нравственный закон должен найти свое осуществление и во внешнем мире. Этические предписания *могут* выполняться по чистой идее долга, однако *касаются они как внутренних, так и внешних обязанностей*. Новгородцев в своих рассуждениях *выявляет*, и это весьма существенно, *дуализм* категорического императива, имеющий важное значение для проблемы соотношения личности и общества. В дуализме кантовского категорического императива субъективная мораль сама выходит на уровень объективных требований и форм поведения. По Новгородцеву, основная формула морали, *категорический императив, имплицитно содержит в себе общность интересов*, которая выражена в принципе автономии воли, объединяющей в себе субъективный и объективный моменты. Категорический императив уже сам по себе, обращаясь к отдельной личности, задает ей «такие требования, которые исходят из представления о высшем объективном порядке»⁴⁵. Если нравственная норма определяется как закон всеобщего должностования, то неявно предполагается, что существующие интересы одной личности должны согласовываться с интересами другой (или нескольких личностей). Всеобщность индивидуального принципа, таким

образом, направлена на того или тех, для кого этот принцип имеет значение. Следовательно, в императиве неявно содержащееся требование уже само по себе имеет объективное значение.

Выявленный Новгородцевым *дуализм категорического императива* позволяет рассматривать нравственность не только как абстрактную норму поведения *индивида*, но и как силу, реально способную *примирить противоречия между общественным и личным идеалами*. Категорический императив, выражаясь в принципе автономной воли, со всей определенностью *характеризует* отношение личности к обществу во вполне возможном сочетании безусловных нравственных принципов с объективно существующим миром социальных отношений. Существенным положением для Новгородцева здесь является то, что общественные цели и требования приобретают нравственный характер, преломляясь в личности. Соответственно, как личность не может вне общества (или общественных союзов) проявить всей полноты своего нравственного совершенства, так, с другой стороны, и без личности нет смысла говорить об общественной нравственности. Мыслитель считал личность основанием и целью нравственного развития общества. В таком случае, коль скоро формирование личности осуществляется только в общественной жизни, совершенно невозможно, чтобы нравственный закон остался индифферентным к этим условиям. Общество, в свою очередь, должно не ограничивать интересы личности, а, напротив, создавать условия для их реализации, в том смысле, что общество само должно быть соответствующим образом организовано. В целом, Новгородцев считал, что в обществе для достижения общих целей сочетание индивидуальных интересов принимает *характер сознательного долга*. Таким образом, определенная Новгородцевым задача объективной (социальной) этики сводится к решению вопроса о практической реализации нравственных требований и, соответственно, о создании *условий* для осуществления возможного сочетания индивидуальных нравственных принципов с принципами общественного развития.

В своих работах Новгородцев попытался синтезировать учения Канта и Гегеля, своеобразно восполнив моральный субъективизм кантовской философии объективизмом гегелевской философии права⁴⁶. Проводя сравнительный анализ этико-правовых доктрин Канта и Гегеля, он пришел к выводу, что кантовский субъективизм

доброй воли может быть восполнен положениями гегелевского этико-правового учения. Соотношение этических учений Канта и Гегеля Новгородцев рассматривает как переход от этики субъективной к этике объективной, а сам характер этого перехода – как «неизбежный шаг цельной этической системы»⁴⁷. Смысл такого синтеза, т. е. необходимости взаимодополнения субъективной и объективной этики, заключается в следующем. Субъективная этика Канта предполагает отрицание необходимости «нравственного» общественного прогресса и подводит к утверждению, что для создания нормальных общественных отношений достаточно одних личных усилий⁴⁸. Объективная этика Гегеля, в свою очередь, может впасть в другую крайность – подчинение личного общественному. Для Новгородцева очевидно было то, что этика немыслима вне субъективного начала – принципа автономии воли, но, с другой стороны, позиция апатии и безразличия к проблеме *общественного* прогресса не может быть достойна разумного человека. С точки зрения Новгородцева, в пределах общественной организации вообще необходим синтез субъективных и объективных интересов. Объективность закона всеобщего долженствования содержится в его всеобщности и безусловности, когда правила воли становятся объективными и «познаются как имеющие силу для каждого разумного существа»⁴⁹.

Однако, по мнению Новгородцева, объективное долженствование кантовского закона остается чисто формальным принципом ввиду того, что Кант переносит категории «объективный» и «закон», в применении к нравственным требованиям, в область субъективного сознания. Та предельность кантовской моральной идеи в философии права, на которую указывает Новгородцев, заключена в формализме и индивидуализме категорического императива. Категорический императив, который представляет собою форму повеления, соотносящуюся с действием ради него самого, безотносительно к другой цели, Кант считает основным нравственным законом. Закон, если он имеет силу морального закона, «непреренно содержит в себе абсолютную необходимость»⁵⁰. К тому же основание «всякого практического законодательства объективно лежит в правиле и форме всеобщности, которая и придает ему характер закона (во всяком случае закона природы), субъективно же – в цели; но субъект всех целей – это каждое разумное существо

как цель сама по себе; отсюда следует третий практический принцип воли как высшее условие согласия ее со всеобщим практическим разумом, идея воли каждого разумного существа как воли, устанавливающей всеобщие законы»⁵¹. Из этого Кант выводит и руководящее начало права, в качестве которого признается свобода личности. Связь этой юридической свободы с нравственной автономией ясна, замечает Новгородцев, но для обоснования права определения такой связи недостаточно. В юриспруденции свобода определена в целом ряде конкретных сводов и законов (правомочий), которые, в свою очередь, связаны и согласуются с внешними интересами и целями.

Новгородцев, анализируя философское учение Канта, в частности нравственный закон, пришел к убеждению, что в кантовской этике не было раскрыто именно социальное содержание его нравственного принципа. Формализм и индивидуализм моральной философии Канта, по глубокому убеждению Новгородцева, закрывал для него мир социальных отношений, потому что, сформулированный в общем виде, кантовский этический принцип может быть пригоден лишь как общая формула нравственности. Связь отдельных индивидов, обусловленная сходством их потребностей и целей в обществе, не получила у Канта должного развития. Именно поэтому Новгородцев и счел необходимым обратиться к теоретическому наследию Гегеля, который в своей системе объективного идеализма предложил концепцию нравственного синтеза интересов личного и общественного в социальном пространстве. Но в гегелевской системе прослеживается уже полный отказ от идеи свободы для отдельного человека – от той самой идеи, которая стала главным завоеванием новейшей европейской философии.

На основании исследования этих двух программ Новгородцев в итоге пришел к общему выводу о том, что разграничение права и морали – как способ исследования их социальной природы – возможно только в теоретическом плане. В общественной жизни они диалектически сосуществуют. Соответственно, и в рамках своей философии права Новгородцев понимает нравственность не как отвлеченную норму поведения индивида, а как силу, которая способна, растворяясь в общественных интересах, примирять противоречия между общественными и личными идеалами. Вообще

он рассматривает нравственность в двух ее аспектах: как индивидуальную норму и как общественную. В пределах субъективной этики возможно допущение идеального и самобытного значения нравственности. В то же время при переходе к объективной этике требуются новые условия ее осуществления, а значит, и новые формы ее определения. Логика рассуждений Новгородцева сводится к тому, что диалектическая связь категорий права и нравственности, важнейшая *составляющая* естественно-правовой концепции, является определяющей для правосознания (личности, группы, общества и т. п.). Главным критерием здесь служит принцип изучения права как развивающейся и гибкой системы нормотворчества. Не отрицая перемен в нравственном мировоззрении, происходящих с течением времени в соответствии с изменениями в общественной жизни, Новгородцев все же настаивает на положении, что «понятие абсолютной ценности нравственного долженствования имеет совершенно иной смысл. Это – абсолютизм не факта, а идеи, не проявления, а сущности, не конкретного содержания, а отвлеченной формы»⁵².

По сути, *абсолютизация нравственного закона* является *всеобщей формой долженствования*, в которой этот закон может мыслиться. Хотя содержание этого закона и зависит от преходящих ценностей той или иной культуры, или исторической обусловленности, тем не менее форма его остается неизменной, стабильной. Это – *форма* не условных советов, а *безусловных предписаний*, форма категорического императива. Как непререкаемая норма, как безусловное требование, категорический императив утверждает свою силу, несмотря ни на какие условия; даже если действительность представляет собой сплошное нарушение категорического императива, обращение к лицу с требованием «Ты должен!» не знает извиняющих мотивов или человеческих слабостей. В таком случае, *абсолютизм нравственного закона*, утверждаемый моральной философией, относится прежде всего к его форме и основе, а не к его содержанию. Таким образом, согласно Новгородцеву, естественно-правовая концепция, или *социально-этическая теория права*⁵³ (примеры которой он находил в теоретических системах классиков идеализма), связывает философию права со всем мирозерцанием, вводя ее в контекст взаимообуславливающего соотношения со всеми явлениями социальной жизни.

По существу, концепция естественного права в творчестве Новгородцева является основополагающей, выступая в качестве преамбулы для осуществления его основного замысла: расширения понимания права и перехода к этико-онтологической проблеме формирования общественного идеала за пределами формально-юридических норм. Методологическая установка философии права мыслителя в основной ее идее была сориентирована на синтез этико-нормативного и социально-философского анализа права. И наиболее важным аспектом здесь является то, что речь в ней идет не о противопоставлении права и закона, а лишь о *внутреннем различении* определений одного и того же понятия *права*, но на разных ступенях его конкретизации. Конкретная форма выражения права – это *закон*. Новгородцев противопоставляет этому понятию не понятие «антиправовой», т. е. не соответствующий понятию права вообще, а понятие «*идея права*». Теория естественного права утверждает, что система социального принуждения может называться *правом* только тогда, когда она соответствует природе (смыслам, целям) существования человека в обществе. Соответственно, сущностная и необходимая связь между правом и моралью есть совершенно очевидная правомерная реальность. Веления права и требования морали не просто иногда совпадают, но главное и основное условие их взаимодействия заключается в том, что сама *идея* права, сама сущность *закона* такова, что он должен соответствовать требованиям морали. Это не означает, что право и мораль совпадают полностью (например, обязанность вежливости, благодарности может быть только моральной, а не правовой и т. п.), но главная истина сводится к тому, что какое-либо правило может быть законом только в том случае, если оно требует *как минимум морально допустимого*: «Несправедливый закон – это не закон вообще» (*lex injusta non est lex*) (св. Августин). Стало быть, моральность может рассматриваться как необходимое условие для законности, в том смысле, что соответствие некоторым требованиям морали является частью условия для самого *определения* закона.

Примечания

- ¹ См. его первую работу «Историческая школа юристов» (М., 1896); его статьи: «Этический идеализм в философии права» (сборник «Проблемы идеализма», 1902); «Право и государство» («Вопросы философии и психологии», 1904); «Возрождение естественного права» («Юридический вестник», 1912); книгу «Кризис современного правосознания» (1909).
- ² См.: *Кацапова И.А.* Философия права П.И.Новгородцева. М.: ИФ РАН, 2005.
- ³ *Новгородцев П.И.* Нравственный идеализм в философии права // Проблемы идеализма. М., 1902. С. 306.
- ⁴ Вопросы философии и психологии, 1897. Кн. IV (39).
- ⁵ Докторская диссертация В.С.Соловьева, защищенная 6 апреля 1880 г. в Петербургском университете.
- ⁶ Статья была напечатана в том же году в четвертом номере (сентябрь-октябрь) журнала «Вопросы философии и психологии». Между тем В.Соловьев также не медлил в обоих случаях с ответом. В этом же номере журнала философ ответил своему оппоненту статьей под названием «Мнимая критика», которая отличалась корректным и содержательным анализом позиции оппонента. На этом полемика не окончилась. В следующем, пятом, номере (ноябрь-декабрь) одновременно появляются «Несколько слов по поводу ответа г. Соловьева» Б.Чичерина и «Необходимые замечания на “Несколько слов” Б.Чичерина» В.Соловьева. Почти сразу после выхода книги «Оправдание добра. Нравственная философия» В.Соловьева вышла его брошюра «Право и нравственность (Очерки из прикладной этики)» – по сути итоговая книга.
- ⁷ *Яценко А.С.* Философия права Владимира Соловьева. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права. СПб., 1999. С. 20.
- ⁸ *Соловьев В.С.* Право и нравственность. Минск, 2001. С. 5.
- ⁹ *Трубецкой Е.Н.* Лекции по энциклопедии права. М., 1909 (СПб., 2001); *Алексеев Н.Н.* Основы философии права. Прага, 1924; *Новгородцев П.И.* Право и нравственность // Правоведение, 1995. № 6.
- ¹⁰ *Чичерин Б.Н.* О началах этики // Вопросы философии и психологии. М., 1897. Кн. IV (39). С. 691–692.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же. С. 693.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. С. 690.
- ¹⁵ *Соловьев В.С.* Право и нравственность // Вопросы философии и психологии. М., 1897. Кн. IV (39). С. 404.
- ¹⁶ *Соловьев В.С.* Право и нравственность. Минск, 2001. С. 35.
- ¹⁷ Там же. С. 40.
- ¹⁸ *Соловьев В.С.* Право и нравственность // Вопросы философии и психологии. М., 1897. Кн. IV (39). С. 547.
- ¹⁹ *Чичерин Б.Н.* О началах этики // Там же. С. 676.
- ²⁰ Хотя многие исследователи (в частности, Э.В.Кузнецов в работе «Философия права в России». М., 1989), характеризую воззрение Новгородцева на соотношение права и нравственности, используют не всегда точные формулировки.

- В одном случае Новгородцева называют сторонником отождествления понятий права и нравственности, в другом – утверждают, что философ является сторонником представления «о связи этих понятий».
- 21 См.: *Новгородцев П.И.* Право и нравственность // Сборник по общественно-юридическим наукам. Вып. 1. СПб., 1899.
 - 22 В скрытой полемике с В.С.Соловьевым.
 - 23 *Плотников Н.С., Колеров М.А.* Павел Иванович Новгородцев // *Новгородцев П.И.* Сочинения. М.: Раритет, 1995. С. 9.
 - 24 Из речи, произнесенной на заседании Психологического общества и посвященной памяти В.С.Соловьева.
 - 25 *Новгородцев П.И.* Идея права в философии Вл.С.Соловьева // *Новгородцев П.И.* Сочинения. С. 285.
 - 26 Там же. С. 286.
 - 27 *Новгородцев П.И.* Право и нравственность // Сборник по общественно-юридическим наукам. Вып. 1. СПб., 1899. С. 132.
 - 28 Там же.
 - 29 *Ильин И.А.* О сущности правосознания. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1990. С. 123.
 - 30 См.: *Новгородцев П.И.* Право и нравственность // Сборник по общественно-юридическим наукам. Вып. 1. СПб., 1899.
 - 31 Собственно, когда речь идет о естественно-правовой концепции П.И.Новгородцева, то это связано лишь с обобщением и интерпретацией его творчества.
 - 32 *Новгородцев П.И.* О задачах современной философии права // *Новгородцев П.И.* Сочинения. С. 305–306.
 - 33 *Новгородцев П.И.* Право и нравственность // Сборник по общественно-юридическим наукам. Вып. 1. СПб., 1899. С. 121.
 - 34 Там же. С. 122.
 - 35 *Новгородцев П.И.* Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба. СПб., 1999. С. 17.
 - 36 *Новгородцев П.И.* Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. СПб., 2000. С. 174 (сноска).
 - 37 *Новгородцев П.И.* Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. М., 1903. С. 244.
 - 38 *Новгородцев П.И.* Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. СПб., 2000. С. 174.
 - 39 *Новгородцев П.И.* Лекции по истории философии. Кант // Его же. Сочинения. С. 180.
 - 40 Там же.
 - 41 *Новгородцев П.И.* Нравственная проблема в философии Канта. М., 1903. С. 25.
 - 42 В своей работе «Основоположение к метафизике нравов».
 - 43 *Новгородцев П.И.* Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. СПб., 2000. С. 165.
 - 44 Там же. С. 163.
 - 45 *Новгородцев П.И.* Нравственный идеализм в философии права // Проблемы идеализма. М., 1902. С. 283.

- ⁴⁶ *Новгородцев П.И.* Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. СПб., 2000. С. 262.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ *Новгородцев П.И.* Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. М., 1903. С. 244.
- ⁴⁹ *Новгородцев П.И.* Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. СПб., 2000. С. 157.
- ⁵⁰ *Кант И.* Основание метафизики нравов // Его же. Лекции по этике. М., 2000. С. 225.
- ⁵¹ Там же. С. 258.
- ⁵² *Новгородцев П.И.* Нравственный идеализм в философии права. С. 286.
- ⁵³ Исходя из общего содержания естественно-правовой концепции Новгородцева, определенно можно сказать, что она является социально-этической теорией права, или социальной этикой.

Библиография

- Алексеев Н.Н.* Основы философии права. Прага, 1924.
- Ильин И.А.* О сущности правосознания. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1990.
- Кант И.* Основание метафизики нравов // Его же. Лекции по этике. М., 2000.
- Кацапова И.А.* Философия права П.И.Новгородцева. М., 2005.
- Кузнецов Э.В.* Философия права в России. М., 1989.
- Новгородцев П.И.* К вопросу о современных философских исканиях (Ответ Л.П.Петражицкому) // Вопросы философии и психологии. Кн. 66 (I), 1903.
- Новгородцев П.И.* Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба. СПб., 1999.
- Новгородцев П.И.* Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. М., 1903 (СПб., 2000).
- Новгородцев П.И.* Нравственный идеализм в философии права // Проблемы идеализма. М., 1902.
- Новгородцев П.И.* Право и нравственность // Сборник по общественно-юридическим наукам. Вып. 1. СПб., 1899.
- Новгородцев П.И.* Нравственная проблема в философии Канта. М., 1903.
- Новгородцев П.И.* Идея права в философии Вл.С.Соловьева // Его же. Сочинения. М.: Раритет, 1995.
- Новгородцев П.И.* Лекции по истории философии. Кант // Там же.
- Соловьев В.С.* Право и нравственность. Минск, 2001.
- Соловьев В.С.* Право и нравственность // Вопросы философии и психологии. М., 1897. Кн. IV (39).
- Трубецкой Е.Н.* Лекции по энциклопедии права. М., 1909 (СПб, 2001).
- Чичерин Б.Н.* О началах этики // Вопросы философии и психологии. М., 1897. Кн. IV (39).
- Яценко А.С.* Философия права Владимира Соловьева. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права. СПб., 1999.